

Ян Юзеф Липский

Две родины – два патриотизма

Заметки о национальной мегаломании и ксенофобии поляков

Перевод с польского Владимира Британишского

Родина существует только в том случае, если существует чужбина; нет «своих», если нет «чужих». От отношения к «чужим» форма патриотизма зависит более, чем от отношения к «своим». Есть всегда что-то парадоксальное: любовь к своей стране и к своему народу может быть определена лишь через отношение к другим странам и другим народам, но это парадокс, присущий всякому умственному или эмоциональному вычленению.

Кто это «свои» — и кто «чужие»? Чем отличается «моя» страна — от не моей? Мой народ — от не моего?

В таких вопросах речь идет не о каком-то описуемом содержании: что мы говорим по-польски, а «они» на других языках, что мы, например, живем в иной культурной структуре, нежели «они», — поскольку мы приняли христианство в X веке с Запада, поскольку с Запада пришли к нам Ренессанс, Просвещение, романтизм и т. д., — ведь если даже кто-нибудь из нас считает, что величайший поэт, какого дало человечество, — это Гёте, или Данте, или Шекспир, — все же Мицкевич и Словацкий как-то иначе живут в нас (или мы в них), потому что навсегда в нашу национальную память вросли годы неволи и борьбы за освобождение и т. д., и т. д.; что даже, может быть (хоть это спорно), нас отличает в большинстве нечто такое, как национальный Характер. Дело не в описательных утверждениях, а в ценностях и оценках; или мы считаем себя лучшими или только иными; полагаем ли мы, что в этой инакости есть какая-то особая ценность (и какая?); полагаем ли мы, что нам надлежат на каком-то основании особые права и привилегии - а может быть, обязанности? В зависимости от ответа на эти вопросы мы исповедуем разные патриотизмы. В случаях крайних мы, по существу, люди, имеющие разные родины, - если родина - это прежде всего духовные блага и ценности, а не только факт той или иной этнической принадлежности.

Мир ценностей, из которого нужно смотреть на проблему родины, - это прежде всего (хотя и не только) мир ценностей нравственных. Мы принадлежим к тому культурному кругу, этические понятия которого сформировало, главным образом, христианство. Верующие или неверующие, мы сформированы заповедью любви к ближнему, основным нравственным ориентиром нашей культуры. Я не хотел бы таким утверждением оспаривать важность нравственного итога иных религий и мировоззрений. Иудаизм, из которого вышло христианство, ислам, буддизм, индуизм, наиболее светская из них этическая культура конфуцианства и т. д. выработали достойный уважения итог в области этики. Мыслители нашего культурного круга, представляющие нерелигиозное, светское направление, - также обогатили нашу этическую мысль и сознание. Тем не менее воспитало нас прежде всего именно христианство — и в пределах основных идей этой этики мы хотим остаться.

Я полагаю, что шовинизм, национальную мегаломанию, ксенофобию, или ненависть ко всему чужому, национальный эгоизм нельзя совместить с христианской заповедью любви к ближнему. Патриотизм же - совместить можно.

Как особенная любовь в семье не должна быть препятствием для любви к ближнему — так и особенная любовь к членам той же самой национальной общности должна быть подчинена этой же наивысшей нравственной норме. Патриотизм возникает из любви — и к любви должен вести; всякая иная его форма — это нравственная деформация.

«Любовь ко всему, что польское» — это часто встречающаяся формула национальной, «патриотической» глупости. Потому что «польскими» были ведь и ОНР, и погромы во Львове, Пштыке и Кельце, и «гетто» в университетских аудиториях, и пацификации украинских сел, и Брестский процесс, и Береза Картуская, и лагерь в Яблонне в 1920 году,— если ограничиться лишь двадцатью годами нашей истории. Патриотизм — это не только уважение и любовь к традиции, но также беспощадная селекция элементов этой традиции, обязанность интеллектуальной работы в этом плане. Вина за ложную оценку прошлого, за увековечивание нравственно ложных национальных мифов, за служащее национальной мегаломании замалчивание темных пятен нашей истории — эта вина, вероятно, меньше с нравственной точки зрения, чем практическое причинение зла ближнему, но она — предпосылка нынешнего зла и путь к будущему злу.

Мы не любим припоминать, как огнем и мечом покоряли ятвягов б,— это портило бы нам образ польского народа, который якобы никого никогда не покорял. Мы не любим помещать в наших исторических компендиумах сведения об истреблении гарнизона Великих Лук после капитуляции — потому что это противоречит рыцарско-гуманистическому стереотипу нашей истории. Мы забываем о методах подавления украинских бунтов и восстаний, о рейде нашего национального героя Стефана Чарнецкого, истреблявшего поголовно деревню за деревней, вплоть до младенцев; о безумном коловороте реваншей и контрреваншей, составляющих вот уже лет двести-триста мрачное содержание польско-украинской истории. Мы гордимся польской веротерпимостью — но лишь мимоходом вспоминаем, когда она кончилась и как. Мы гордимся трагическим участием польских солдат в Испанской кампании Наполеона — так, как если бы Сомосьерра, разгром солдат, защищающих независимость своей родины, была страницей славы, и стараемся сделать все, что можно, чтобы забыть о позоре Сарагосы или извратить это событие. О некоторых темных страницах межвоенного двадцатилетия я уже вспоминал.

Нельзя нам так поступать! Каждое умолчание подливает масла в огонь национальной мегаломании, это болезнь; каждое уклонение от признания собственных вин губит национальную нравственность.

В польской исторической литературе мы имеем две традиции, одна служит национальной мегаломании, другая — это традиция Жеромского, горькая традиция расчетов с прошлым: здесь Сарагоса — и трагедия и национальный позор одновременно; оккупант-австриец приходит с законодательством, несущим известный социальный прогресс; польский крестьянин времен восстания 1863 года показан с натуралистической правдой, сколь же далекой от «патриотических» олеографий; независимая Польша, ее аппарат власти страшно — и предостерегающе — обвинены в «Кануне весны». Мы должны вернуться к Жеромскому и к его патриотизму, выраженному в его творчестве. Нужны были парадоксы шестидесятых годов в ПНР, чтобы Анджея Вайду с «патриотических» позиций атаквали именно за то, что он нашел у Жеромского; чтобы творчество автора новеллы «Расклюет нас воронье» стало темой историко-литературных спекуляций в период наступления мочаровщины.

Будем же остерегаться и подозрительно смотреть на каждое новое наступление «патриотизма», если он состоит в некритическом тиражировании излюбленных лозунгов национальной мегаломании. За фразеологией и реквизитами, милыми сердцу поляка, нас подстерегают циничные социотехники, которые смотрят, клюет ли рыба на уланский кивер, на картинку крылатых гусар, на куртку варшавского повстанца. «Опасная тут скрыта сила: засасывает, как трясина», — пишет Милош в «Нравственном трактате».

Родимой патриотической фразеологии в официальной прессе сопутствует уже многие годы травля тех, кто осмеливается портить картинки и панорамки, рассчитанные на дурачков. Особенно застряли у меня в памяти нападки на «Почтовые вариации» Казимежа Брандыса. Это одна из самых значительных и самых умных книг писателя. Целая свора «патриотичных» журналистов и критиков бросилась на него как на того...

который смеется и издевается над нашим прошлым. Это было поразительно. Брандыс волнующе изобразил судьбу польской семьи, которая в каждом очередном поколении подымается вместе со всей нацией на борьбу за независимость родины — и в каждом поколении терпит поражение, сталкивающее побежденных на самое дно нужды, болезней, социального и психического краха: Именно такова трагическая правда о судьбе если не целой нации, то, по меньшей мере, элиты, несущей в себе ее самосознание. Я читал эту книгу так, как читаешь реляции историков об очередном поражении нации, я был почти болен во время чтения, я еще раз переживал трагизм нашей истории. И потом узнаешь, что автор «Почтовых вариаций»... смеется и издевается. Поистине, у кого какое чувство юмора...

Кампанию эту и другие подобные вели, как правило, те же самые журналы и те же перья, которые стали нам известны в памятном 1968 году. Советский лакей переоделся в уланский мундир

Над этим следует задуматься: какую функцию должен выполнять этот маскарад «раковецких улан»? Кого он должен оболванить, поймать на «патриотическую» приманку, кого отравить ядом шовинизма? Что общего это имеет с любовью к родине? И к какой родине?

Старый лозунг «Бей жида, спасай Россию» (в оригинале — по-русски, латинскими буквами, прим. перев.) ожил на наших глазах. Как при царе, как при охранке. Даже методы мало изменились по своей сути, хотя «патриотический» камуфляж в таком масштабе и в таком стиле есть нечто новое: ОНР тоже был «патриотический», но на сей раз речь идет о государственном антисемитизме несuverенного государства. «Спасай Россию».

Если бы это было только делом официальной прессы, если бы никто не клевал на эту «патриотическую» наживку, если бы не было в польских традициях тех мотивов, которые вдруг, как чуткий камертон, начинают резонировать,— было бы не о чем писать и не с чем полемизировать. К сожалению, все обстоит иначе. Акценты национальной мегаломании и ксенофобии можно найти также в прессе неподцензурной, а стало быть, аутентичной.

Нужно тут сказать ясно и четко: диалог не всегда возможен; часто сама попытка его начать бывает позорной (если не является обыкновенной глупостью). С героями антисемитских выходов в «мартовской» прессе не может быть диалога — так же и с теми, которые видят в этой грязной публицистике выражение своих убеждений. У нас нет с ними общей родины, и мы не хотим иметь с ними вообще ничего общего. Но между патриотизмом Слонимского, Оссовских, Ясеницы (я специально называю авторов, очень различающихся между собой и в то же время схожих по общему знаменателю гуманизма и патриотизма; ближайших идейных патронов,— больше, сотворцов сегодняшнего движения демократической оппозиции) и «патриотизмом» Филипских, Гонтажей, Конколей простирается огромное социальное пространство, густо заполненное людьми, за которых и идет борьба: которую родину они выберут? Нельзя ни под каким предлогом отказаться от всех тех, кто одурманен национальной мегаломанией и ксенофобией, если ненависть и национальное высокомерие еще не деформировали окончательно и бесповоротно их разум и чувства. Борьба за облик польского патриотизма будет решающей для судеб нашей нации - для судеб нравственных, культурных, политических.

Ксенофобия и национальная мегаломания взаимно питают и поддерживают друг друга. Мы знаем, как настрадалась Польша от русских и от немцев,— что не оправдывает глупости и ненависти в отношении к этим народам; глупостью и ненавистью человек и народ сами себе вредят. Фашизированные украинцы дали нам себя почувствовать в сороковых годах — но здесь взаимный счет обид и вин уже иной, чем с немцами, хоть это и не помогает украинцам в массовом польском сознании. Но почему поляк так часто презирает чеха? Здесь видно, как сплетаются ксенофобия и кретинство, чтобы вместе довести в августе (1968 года, прим. перев.) некоторых наших земляков до внутреннего

согласия на то, что противоречило как нравственности, так и нашим национальным интересам,— на вторжение в Чехословакию.

Вернемся к вопросу об отношении огромного большинства поляков к немцам и русским. Нужно повторить, что ненавистью и глупостью человек и народ сами себе вредят. Попытка не замечать нравственные проблемы там, где они есть, нравственно развращает. К немцам у нас испокон века много претензий. Это германские императоры нападали на нашу страну, чтобы ее себе подчинить, а не наоборот. Тевтонский орден Креста Святейшей Девы Марии был кошмаром для пруссов, литовцев, поморян и поляков. Пруссаки вместе с русскими и — немецкоязычными, что ни говори,— австрийцами разделили 1-ю Речь Посполитую. Сгон польских крестьян с земли, «Хаката», национально-религиозные преследования в захваченной пруссаками части Польши были уже первым предвестием того, что произошло во время второй мировой войны. О колоссальности гитлеровских преступлений на польской земле нет смысла распространяться. Должен был, однако, наступить момент, чтобы — если мы хотели остаться в кругу христианской этики и западноевропейской цивилизации — сказать: «Прощаем и о прощении просим. В ситуации, когда нация была поработана, это сказал наивысший независимый нравственный авторитет: польская церковь. Эти слова — несмотря на все возражения, обоснованные действительно причиненным злом — мы должны признать своими. Чтобы их признать, достаточно было бы их нравственного содержания. Но, кроме нравственного содержания, есть в них также национальное и культурное: как народ, ощущающий свою принадлежность к западному кругу средиземноморской культуры, мы мечтаем о возвращении к нашей более широкой родине, к Европе. Отсюда необходимость помириться с немцами, которые в этой Европе уже находятся — и останутся дальше. То, что Польский епископат протянул руку Немецкому епископату,— было самым смелым и самым дальновидным поступком в послевоенной истории Польши.

Однако обращение епископата Польши к епископату Германии ставит прежде всего проблему, которую не обойдешь, если хочешь остаться верным христианству: проблему также и наших вин по отношению к немцам. В Польше не выносят, чтобы вопрос ставился так,— и нетрудно это понять, потому что пропорции очень уж неравные. Нельзя, однако, мириться с пренебрежением собственными винами, даже если они несравнимо меньше чужих.

Мы приняли участие в том, чтобы лишить родины миллионы людей, из которых одни наверняка виновны в поддержке Гитлера, другие — в пассивном согласии на его преступления, иные — о в том, что не решились на героизм борьбы со страшной машиной террора в ситуации, когда их государство вело войну. Зло, причиненное нам, даже самое большое, не является, однако, и не может являться оправданием зла, которое причинили мы сами. Выселение людей из их домов может быть в лучшем случае меньшим злом, но никак не добрым поступком. Это правда, что несправедливо было бы народу, на который напали два бандита, самому в довершение всего платить всю цену за это. Выбор выхода менее несправедливого, выбор меньшего зла не может, однако, делать нас нечувствительными к нравственной проблеме. Зло — это зло, а не добро, даже когда это меньшее и неизбежное зло. Что поделаешь: или ты хочешь быть христианином или нет... Если ты христианин, то ты знаешь, что принцип коллективной ответственности не имеет ничего общего с этикой, которую мы исповедуем; что даже если мы вынуждены были выбрать меньшее зло, нельзя нам зло называть добром; что причинение зла создает нравственный долг, хотя бы тот, кто от нас его претерпел, причинил нам стократ больше зла, и к тому же лишь в слабой степени ощущал потребность искупить его.

Принцип меньшей несправедливости, необходимость обеспечить условия жизни миллионам поляков, покидающим по необходимости свою родину на восточных землях 2-й Речи Посполитой,— это, впрочем, единственное оправдание того, что стало. Никким образом не оправдают этого ни исторические аргументы — весьма сомнительные, как мы

дальше увидим,— ни этнические, за исключением, может быть, Ополья, что тоже дискуссионно. Пройдемся по Вармии и по Мазурам, чтобы собственными глазами увидеть, сколько мы там встретим автохтонных поляков, то есть Мазуров и вармяков. Тем тревожнее как симптом отравления нашей национальной этики национализмом, что время от времени появляются статьи, авторы которых похваляются, что еще до второй мировой войны — стало быть, до нападения на Польшу, до истребления миллионов польских граждан немцами, до возникновения проблемы найти территорию для жизни миллионов поляков с восточных окраин — политические группы, с которыми эти авторы были связаны, требовали Польши до Одры и Нысы, со Щецином и Вроцлавом. Это не статьи, констатирующие любопытный факт,— это одобрение тогдашних программ, которые были планами захватническими, противоречащими принципам отношений между народами в духе христианской этики. Вспоминать эти постыдные эпизоды идеологической истории с одобрением — симптом этической дегенерации, а к тому же еще и политическая глупость.

В польском сознании наших исторических отношений с немцамиросло множество мифов и ложных представлений, от которых нужно когда-то избавиться — во имя истины и с целью лечения самих себя: ложные представления о собственной истории — это болезнь духа нации, они служат, главным образом, пищей для ксенофобии и национальной мегаломании.

Почти каждый поляк (даже образованный!) верит сегодня, что мы вернулись после второй мировой войны на земли, захваченные у нас немцами. Это может касаться Гданьска и Вармии, которые от Торуньского мира (1466) до разделов принадлежали 1-й Речи Посполитой — хоть, впрочем, и Гданьск и Вармия были и тогда и до конца второй мировой войны в большинстве своем этнически немецкие. Остальная часть Восточной Пруссии никогда польской не была, а немцы захватили эти земли не у поляков, а у пруссов — народа, родственного литовцам. Польское меньшинство на этой территории (мазуры), в массе, впрочем, слабо себя осознающее, это пришлое население, переселенное, главным образом, Альбрехтом Гогенцоллерном из Польши; не знал бедняга, что он должен реализовывать идею *Drang nach Osten* и Пруссию заселять только немцами. Западное Поморье — этнически тоже не польское, хотя славянское — несколько раз упрямо освобождалось от зависимости от Польши и создало собственную государственную организацию, уничтоженную шведами лишь в XVII веке. Пруссаки взяли эти земли, заселенные не поляками, у шведов, а не у Польши. Онемечивание Западного Поморья произошло без насилия, естественным путем. Силезия еще в средние века стала платить дань Чехии и вместе с Чехией вошла в состав австрийской монархии. Пруссия отобрала ее — у австрийцев, не у Польши,— лишь в XVIII веке, когда процессы онемечивания Нижней Силезии, тоже естественного, совершавшегося без принуждения, зашли уже далеко. Опольская Силезия и Верхняя Силезия сохранили свою этническую польскость. Организованный и в какой-то мере эффективный германизирующий натиск на этих землях — это уже вторая половина XIX и XX века.

А мы со своей стороны не хотим сегодня помнить, что это земли, на которых двести лет цвела немецкая культура. Мы читаем трогательные статейки о силезских Пястах, их замках и дворцах, но никто нам не говорит, что уже Генрих Пробус известен немецким учебникам литературы как *Minnesanger* (то есть немецкоязычный трубадур), сочиняющий на том же языке, что Вальтер фон дер Фогельвейде, что Герман фон Ауэ, тогда как польская лирика возникнет и расцветет лишь два столетия спустя. Это символическая фигура в истории Силезии.

После многих столетий развития немецкой культуры бок о бок с польской в Силезии, в Любушской земле, в Вармии и на Мазурах, в Гданьске (преимущественно немецком) — а в Западном Поморье издавна исключительно немецкой — нам досталось в результате исторических перемен богатое наследие архитектуры и других произведений искусства и немецких исторических памятников. Перед лицом человечества мы — хранители всего этого. Отсюда наша обязанность — с полным сознанием, что мы

оберегаем достижения немецкой культуры,— хранить эти сокровища для будущего, также и нашего.

В Польше бытует миф *Drang nach Osten*, выхваченный из глупой и преступной мифологии вильтгельмовской Германии. Расправлялся когда-то с распространением этого мифа польской публицистикой Антоний Голубев в «Тыгоднике повсехном» в статье слишком мало замеченной, которая, однако, должна войти в основной круг чтения польского интеллигента. Известно, что западная граница 1-й Речи Посполитой была в течение многих веков одной из самых спокойных и самых постоянных в Европе. Агрессивность государства крестоносцев была лишь фрагментом истории средневековой Германии.

Зато не любят у нас писать и помнить о том, чем мы обязаны немцам в области цивилизации и культуры. О том, что черепица и кирпич, что каменщик, печатник, живописец и гравер, что сотни слов польского языка свидетельствуют, сколь многим мы обязаны нашим соседям из-за западной межи. Великолепные создания архитектуры и скульптуры, живописи и других искусств и ремесел в Кракове и многих других городах и городках Польши, не только в средневековье, но частично и позднее, включая даже XIX век,— это в значительной части произведения немцев, которые здесь селились и обогащали нашу культуру. Почти каждый поляк знает о Вите Ствоше, не каждый знает, что это был этнический немец (хвала польской науке, что она доказала это окончательно работами ксендза Болеслава Пшибышевского), многие думают, что он был поляком, и готовы дать пощечину каждому, кто это оспаривает; никто, кроме специалистов, не знает сотен, а может быть, тысяч имен и фамилий художников-немцев, оставивших неизгладимый след в нашей культуре.

История должна быть вратами в будущее. Что мы хотим выбрать как символ для будущего: Грюнвальд — или же Легницу, где поляки и немцы вместе преградили путь тьмам (сегодня мы сказали бы: конным дивизиям) хана Батыя? Грюнвальд, разумеется, навсегда останется в национальной памяти, но должен ли это быть только Грюнвальд? Что должно доминировать в нашем сознании — уничтожение польской культуры гитлеровцами во время второй мировой войны или ее обогащение Витом Ствошем и сотнями менее известных превосходных художников? Хотим ли мы запомнить из Освенцима только немцев-палачей или также и тех немцев, хоть их была всего лишь горстка, которые не только как узники, но также как члены' коллектива лагеря боролись со злом? (Об этом пишет эмигрантский писатель и историк Юзеф Гарлиньский в своей документированной, изданной лет десять-пятнадцать назад в Лондоне работе «Освенцим борющийся» — а польские таможенники отбирают эту книгу на границе.) Должны ли быть немцами в нашем сознании только гестаповцы и «СС»? Разве не были немцами также герои из союза «Weisse Rose» из Мюнхена, предпринявшие в самом сердце тьмы труднейшую борьбу, борьбу против «своих», притом во время войны?

«Weisse Rose» — это была безрассудно смелая группа подлинных христиан, которые делом — таким, на какое они были способны,— свидетельствовали, что в отличие от большинства их земляков в те годы они были христианами не только по названию, что они готовы были принять мученичество во имя истины и добра. Культ их памяти — хоть с Польшей они не имели непосредственно ничего общего — должен жить и у нас: во-первых, именно потому, что это немцы, что это люди, принадлежащие к той же самой нации, что и убийцы миллионов во время второй мировой войны; во-вторых, чтобы довести до нашего сознания нравственный императив, гласящий, что когда твой народ и твое государство вступают на путь преступления и зла, твоя нравственная обязанность — противостоять этому, хотя бы даже народ и государство вели в это время войну с внешним противником. Разве герои из «Weisse Rose» недостойны называться немецкими патриотами? Разве они были предателями своего народа? Наоборот, это они спасли остатки достоинства и моральных ценностей своего народа — и они создавали ценности,

необходимые для будущей Германии. В своих душах они носили иную отчизну, чем та, в которой они имели несчастье жить и умереть мученической смертью.

Страх и недоверие, какие питает по отношению к немцам значительная часть поляков, понятны. Было бы легкомыслием и глупостью предполагать, что в немцах, в их отношении к нам и вообще в их ментальности без следа исчезли токсины национализма, накапливавшиеся еще с бисмарковско-вильгельмовской эры, а если хотите, то, может быть, и раньше, с начала XIX века. И в жизни современной Германии нет недостатка в фактах,— раздуваемых, впрочем, сверх меры нашей казенной пропагандой,— доказывающих, что мы должны внимательно следить за состоянием потенциальной готовности части немцев к рецидиву. В то же время, однако, мы должны сделать максимум возможного, чтобы с нашей стороны создать оптимальные предпосылки для примирения наших народов. Прежде всего мы многое должны изменить в себе самих и в нашем историческом сознании, чтобы это было возможно.

В отношении русских состояние среднего польского сознания выглядит иначе, чем в отношении немцев. К немцам накопилось много ненависти, смешанной со страхом,— но и уважение. В отношении к русским превалирует — тоже вместе с ненавистью (пожалуй, значительно менее глубоко укорененной, чем в отношении немцев, и менее резкой) и страхом (страх из кошмарных снов о советских танках, стреляющих во взбунтовавшихся поляков) — пренебрежение, ощущение превосходства. Откуда оно взялось — черт его знает, но поляки, в общем, убеждены, что русская культура ниже польской. Культурная «высшесть» и «низшесть» народов — тема тонкая и опасная. Народы напоминают во многих отношениях человеческие личности. Так же, как для человека, воспитанного в христианской этике и сознательно, осмысленно ее воспринимающего, каждая человеческая личность имеет ценность и достоинство не меньшее, чем другая личность, хотя один умный, другой глупый, один хороший, другой плохой,— так и каждый народ имеет свою ценность и достоинство, независимо от того, одурманен ли он в данный момент гитлеризмом, богатое ли он имеет искусство и т. д. Я знаю, что у литовцев нет поэтов масштаба Мицкевича и Словацкого, драматургов ранга Выспяньского и т. д. (с «и так далее» лучше быть осторожным: Чюрленис принадлежит, по моему мнению, к самым выдающимся художникам своей эпохи), и, несмотря на это, я не осмелился бы ощущать превосходство в отношении их национальной культуры. Здесь нет места для рассуждений, почему это так. Может быть, дело в том, что я знаю: человек, живущий в литовской культуре, находит в ней достаточную основу, чтобы развить полноту человечности в себе. Но тем более странно, откуда столь частое в Польше убеждение о собственном культурном превосходстве в отношении русских?

Иметь ощущение культурного превосходства в отношении народа, который дал Достоевского и Толстого, не считая по меньшей мере двух десятков писателей, которые могли бы быть гордостью любой европейской литературы, в отношении народа Рублева, Менделеева, Стравинского — это, пожалуй, огромное недоразумение. Это народ, создавший былины и великую иконопись еще тогда, когда наша национальная литература пребывала в полном убожестве, а изобразительное искусство было в пеленках. Ни один из польских писателей не оказал такого влияния на литературу Запада, того Запада, к которому мы хотим принадлежать,— как Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов. Ничто не указывает также, чтобы духовная культура польских крестьян была богаче, чем русских. Они лишь другие. Есть что-то гротескное и в то же время плачевное в мегаломанском ощущении превосходства многих поляков над русскими.

Эту позицию, впрочем, обосновывают также и с другой стороны. В польской идеологии издавна, со времен романтизма, имеют хождение концепции, согласно которым русская культура была обусловлена двояко — и негативно — скрещиванием влияний византийских и монгольско-татарских (туранских). В последнее время можно заметить в прессе и в бесцензурных публикациях головокружительную карьеру концепции Феликса Конечного. Коротко можно сказать, что результатом этого византийско-туранского

скрещивания является культура, в которой подчинение личности иерархической власти есть нечто само собой разумеющееся, коллективизм господствует над «я», этика орды — над этикой личности.

Как обычно в случаях таких обобщений — в чем-то это верно, и в то же время очень уж многое не сходится. Традиции московского деспотизма, вероятно, генетически что-то имеют в себе от образца китайской власти, а позиция и роль царя и его двора в этой системе наверняка сознательно опирались на пример Византии. Но против этой традиции есть в России другая, традиция духовной независимости, начинающаяся от князя Курбского или еще давнее: традиция несогласия и поисков идейной опоры на Западе. Россия декабристов, Герцена, Безкишкина и других участников восстания 1863 года, «Земли и Воли», народников — это не византийско-туранская Россия. В наше время русские создали недавно слово «самиздат» (в оригинале — по-русски, латинскими буквами, прим. перев.), которым и мы часто сейчас пользуемся, они были первые, показали дорогу, платя за это большую цену, а комитет великого Сахарова — вдохновение и образец для нас. У них, к тому же, труднее и больше нужно отваги.

Будем помнить, что освобождение всей Центральной и Восточной Европы от советского тоталитаризма зависит главным образом от освободительных движений в СССР. Самый многочисленный, играющий самую важную роль, русский народ далек еще от того, чтобы домогаться демократических законов. Как всякий угнетенный народ он при этом, естественно, особенно деморализован. Тут более всего расцветает новое явление: «советский» патриотизм (к сожалению, с этим явлением можно столкнуться не только у русских); тут легче всего найти сторонников политики интервенций и пацификации, политики, держащей в повиновении страны-сателлиты; тут любая фраза о том, что самоопределение народов СССР может стать фактом, рождает преимущественно гнев. Тем большее уважение, без гротескного и глупого ощущения превосходства, должны вызывать у нас русские, и тем более живое братство должно объединять нас с русскими, борющимися за свободу. Еще несколько лет тому назад и в Польше не много было отважных, готовых противостоять полицейской и тоталитарной системе, а если сосчитать русских, которые отважились на это, если сравнить последовавшие репрессии у них и у нас, можно выразить лишь удивление и уважение.

Им труднее, чем нам, ибо за ними — десятилетия самого кровавого в мировой истории внутреннего террора, за ними — страшная и в значительной части кровавая негативная селекция, совершающаяся так давно, а карающие репрессии бьют по ним сильнее и беспощаднее.

Мы, поляки, когда речь идет о русских, не хотим также помнить, что хотя СССР — наследник и продолжатель стремлений и даже стиля царизма и поэтому русский национализм играет огромную роль в советской экспансии, в то же время советизм, пытаясь уничтожить национальное самосознание поляков, литовцев, латышей, украинцев, грузин, армян и т. д., с большой силой уничтожает также национальное самосознание, традиции, культуру русских. Советизм — грозен и убийствен как для поляков, так и для русских.

Особое место в нашем сознании должны занимать литовский, белорусский и украинский народы. Здесь следует еще раз напомнить проповедь ксендза Яна Зеи в соборе св. Яна в Варшаве 17.IX.1975 года, которая — я верю в это — является фактом исторического значения не только в нравственном аспекте, хотя речь в ней шла о нравственных принципах. Это народы, веками связанные с нами общей судьбой. Однако мы мало отдаем себе отчет в том, что они меньше хвалят эту общность судеб, чем мы. Полонизация шляхетских элит в Литве и на Руси столкнула эти нации в ряд «неисторических» народов, которые лишь во второй половине XIX века с трудом начали создавать свои новые элиты, интеллигенцию.

Полонизация была, правда, процессом естественным, без использования силы — но она была также и катастрофой, задержавшей образование наций *sensu stricto*. Это легко не

забывается. Украинцы помнят очень даже хорошо века XVII и XVIII, а это значит, что помнят страшные, варварские польские пацификации казацких бунтов и украинских крестьянских восстаний, но не хотят помнить об ужасах истребления ими поляков и евреев в 1648 году и об уманской резне. Поляки — наоборот. 1-я Речь Посполитая не оставила слишком хороших воспоминаний.

2-я Речь Посполитая этого не исправила. Напротив. Польско-литовский конфликт из-за Вильно, действительно, трудно было разрешить. Оба народа ощущали свою эмоциональную связь с этим городом — в то время как (мы редко об этом помним), по крайней мере, юго-западную Виленщину вместе с Вильно по большей части населяли поляки. Решения в форме федерации, к которому стремился Пилсудский, мало кто хотел, окончательно его сделали невозможным польские националисты. До сих пор литовцы питают к нам жгучую ненависть за Вильно, умноженную памятью того идиотического года, когда по улицам польских городов шли манифестации, скандировавшие: «Вождь, веди нас на Ковно!», как если бы в польском национальном гербе был не белый орел, а Козленок Кретиненок. Мы до сих пор питаем к литовцам неприязнь за то, что они дали во время второй мировой войны коллаборационистские формации, особенно допекавшие поляков (еще больше — евреев). Этот замкнутый круг мы должны разорвать! Когда в Каунасе недавно возникли волнения на национально-религиозной почве, настроения солидарности (к сожалению, только настроения) были в Польше всеобщими. Может быть, это хорошее предзнаменование на будущее.

С мягкими, тихими белорусами мы никогда не имели столь острых конфликтов, как с украинцами. Стоит, однако, припомнить, что 2-я Речь Посполитая тоже немало провинилась перед белорусами, это касается тенденций полонизации, главным образом, дискриминации белорусских школ. Мы должны стремиться, чтобы такого рода явления не повторялись.

Хуже всего было с украинцами. Первой войной 2-й Речи Посполитой была — о чем не каждый помнит — польско-украинская война в Восточной Галиции. Львов, город, в котором польское население явно превышало украинское, сросся в ходе веков с историей и культурой Польши до такой степени, что трудно было себе вообразить в то время отказ от него. Решила дело сила. Это грустно, но не необычно в истории, что два народа не находят иного разрешения конфликтов, кроме войны. Счет обид, причиненных украинцами, начинается позже. Украинское освободительное движение, неустанно стимулируемое — что тут скрывать — фашиствующими украинскими националистами, ищущими поддержки то в Германии, то в недоброжелательной к нам Праге, было трудной проблемой для 2-й Речи Посполитой. Однако же воевода Юзевский на Волыни умел разряжать напряжение и для блага Речи Посполитой поддерживать культурные начинания украинцев. Игнорирование национальных и культурных потребностей украинцев было дорогой в никуда. Пацификации — так, как они делались — наш позор, независимо от того, сколь трудную ситуацию создавали актами террора и саботажа украинские националисты. Для будущего обоих народов лучше было бы, если бы период 2-й Речи Посполитой остался в памяти украинцев как эпоха, когда в Восточной Галиции и на Волыни процветали украинские культурные учреждения под покровительством Республики, с украинским университетом прежде всего во Львове. Такой итог приносил бы плоды и сегодня и в будущем обоим народам. Случилось иначе.

Вторая мировая война не в равной мере увеличила счет вин, которыми оба народа взаимно друг друга попрекают.

Зато сразу по окончании войны, когда отряды УПА после поражений, нанесенных им советской армией, были отброшены на юго-восточную периферию польского протектората и разгорелась война в Бещадах 50, зародился план решения проблемы, которую представляло украинское партизанское движение на этих землях, путем превращения их в пустыню, то есть путем выселения лемков 51 и рассеяния их по Польше. Это был дьявольский помысел, родившийся наверняка в голове какого-нибудь

«советника» из КГБ, талантливо применившего римский принцип *divide et impera* и знавшего куда более масштабные прецеденты в собственной стране.

Еще только несколько слов о наших отношениях с чехами, хоть об этом уже упоминалось. У чехов нет никаких оснований считать, что их совесть по отношению к нам абсолютно чиста. Одностороннее решение с помощью вооруженной силы проблемы Заользинской Силезии 52 в момент, когда само существование польского государства в 1920 году было под угрозой, не приносит чехам чести. Но, несмотря на это, участие Польши в разделе Чехословакии 53 вместе с Гитлером было позорно. В 1968 году, то есть 30 лет спустя, польские войска приняли участие в оккупации Чехословакии. В прекрасном зонге о Градце Краловом, который поют с 1968 года до сего дня в кругах польской оппозиционной молодежи, верно сказано в публицистичной последней строфе: «Не по твоему приказу сапоги грохочут снова, но что же ты сделал, но что же ты сделал для Градца Кралова?» Польский народ не может отвечать за власть, навязанную нам чужими и опирающуюся на чужую, главным образом, силу, но тот факт, что в большой стране с прекрасными традициями борьбы за «нашу и вашу свободу» голос протеста подняли только Ежи Анджеевский и Зыгмунт Мыцельский в своих письмах к чешским и словацким братьям 54 и маленькая группка студентов в Варшаве, пытавшихся распространять листовки с протестом 55, не делает чести нам, которые боялись. Хуже: можно было встретить людей столь неумных, что они одобряли это вторжение, бессмысленно бредя или о немецкой угрозе или о враждебности чехов по отношению к нам... Национальная мегаломания и ксенофобия вновь привели к тому, что мы оказались неспособны на солидарность с теми, кто должен быть нам всегда, а уж особенно теперь особенно близок,— с братьями из-за Судетов, из-за Ользы, из-за Карпат.

Каждый поляк должен сегодня понимать, что существуют два резона, по которым наши традиционные фобии и мегаломании в отношении всех окружающих нас народов самоубийственны. Нравственный резон и политический резон. Резон нравственный — то обстоятельство, что мы уже в большой степени отравлены советизмом, что нам грозит утрата духовной связи с нашим прошлым и с культурой Запада, с этическими традициями христианства. То, что прежде было темным пятном на нашей истории и национальной ментальности — и подобные пятна можно заметить у многих других народов,— сегодня может оказаться предвестием смерти и разложения. Политический резон говорит нам, что от угрозы смерти и разложения мы освободимся или все вместе — как народы СССР, так и народы, от СССР зависящие, — или никто. Ничтожно мала вероятность того, что кто-то сможет заставить тоталитарный и держащий в повиновении народы СССР советизм выпустить из когтей свою добычу, каковой мы сегодня в какой-то степени являемся.

Антисемитизм — это настолько особый вид ксенофобии, с настолько отличной функцией и ролью в истории, что требует отдельного разговора.

Прежде всего вопрос: что такое ксенофобия? Когда в Польше жили люди, отличавшиеся всем: языком, национальным самоощущением, религией, традициями, обычаями, часто одеждой и т. д., и антисемитизм был направлен против них — это была, конечно, ксенофобия. Когда антисемитизм был направлен также и против людей, не отличающихся языком и одеждой и оторвавшихся уже от религии своих предков,— можно было думать, что это происходило все же по причине их действительной или вымышленной солидарности с теми прежними — и это все еще была ксенофобия. Когда, однако, антисемитизм переносился на людей, часто уже в нескольких поколениях полонизованных, во многих случаях исповедующих не формально, а фактически ту же самую религию, что и большинство поляков, на людей, проникнутых до мозга костей польской культурой, а часто даже имеющих за спиной годы борьбы за независимость и свободу Польши — это уже больше и хуже, чем обычная ксенофобия, которая есть явление отрицательное и нежелательное, но не обязательно все же граничащее с общественной психопатологией.

Единственной возможностью обоснования такого антисемитизма является расизм — часто подсознательный, вслух не высказываемый. Убежденность в меньшей, неполной ценности людей по причине их биологических, расовых признаков находится, однако же, в непримиримом противоречии с нашим христианским этическим наследием, с заповедью любви к ближнему и с заветом Павла — «нет ни Еллина, ни Иудея».

В практике известна еще одна попытка обоснования антисемитизма — религиозная, псевдохристианская. То, что евреи отвергли Христа и даже приняли на себя и потомков 56 Его кровь, пролитую под их давлением, якобы должно иметь для евреев тот же результат, что и первородный грех человечества, стало быть, имманентное зло, которое они приняли в себя. Конструкция эта — скорее дело рук темной толпы, чем теологов, и совершенно антихристианская. Христианство не знает ни коллективной вины, ни наследования вины, ни коллективной ответственности за вину. Первородный грех в христианской теологии связан не с наследованием вины, а с порчей человеческой природы. Так, может быть, евреи, согласно этой концепции, имеют человеческую природу вдвойне испорченную? В таком случае как ближние они должны быть предметом особой заботы, а не преследований — крещение же окончательно смывало бы эту порчу, что для эндецкой 57 и оэнэровской темной толпы — концепция неприемлемая. Но 2-й Ватиканский Собор, после многих столетий терпимости церкви по отношению к этой позиции и даже фактического, хотя и осторожного ее приятия, отбросил и такой вариант обоснования антисемитизма 58. Жаль, что так поздно, но лучше поздно, чем никогда. Существенный компонент христианской этики, усвоенной как верующими, так и неверующими, — это убеждение, что человека можно оценивать только по его поступкам, что все люди в этом отношении равны (верующие добавляют: перед Богом) и что никакая оценка поступков человека не может отменить заповеди любви к ближнему.

Однако же в христианском вот уже многие века польском народе антисемитизм укоренился настолько, что это тревожит.

Антисемитизм — или антисемитизмы? Мы хорошо знаем, сколь они разнообразны: от чувства превосходства и презрения (это особенно гротескный вид ксенофобии — применительно к народу, который открыл или изобрел единого, всеохватывающего, всемогущего, чисто духовного Бога; который дал столько великих ученых, художников, писателей, сколько не дал пропорционально, пожалуй, ни один народ мира; который явил образец нечеловеческой несокрушимости, тысячелетиями сохраняя в самых неблагоприятных условиях свою религию, культуру, национальное самосознание) через такие варианты, как ощущение угрозы и вытекающие из этого дискриминации разного рода, и вплоть до ненависти, высвобождающейся в массовых убийствах. Нельзя сказать, что все это одно и то же — разница огромная, тем не менее, однако, правы и те, которые указывают, как легко «умеренные», «добродушные» формы антисемитизма становятся питательным раствором для форм самых грозных. И все они — хоть и по-разному — непримиримо противостоят заповеди любви к ближнему.

История Польши веками была в этом отношении одной из прекраснейших (относительно) в Европе. Беспорядки и другие отталкивающие явления в Речи Посполитой случались, однако ж не в таких масштабах, как при средневековых погромах в Западной Европе. Просвещенные короли и правящая элита умели разумно управлять сосуществованием народов в Речи Посполитой. Павел Ясеница в «Польше Ягеллонов» 59 со справедливой гордостью указывает на братьев Юзефовичей, из которых один, выкрест, основатель рода Юзефовичей-Глебницких, стал одним из высших сановников Речи Посполитой Обоих Народов, а другой, оставшись при иудейском вероисповедании, был посвящен Зыгмунтом Старым в рыцари 60. В золотом веке 61 все это было еще возможно: еврей, посвящаемый в рыцари, крестьянин — один из ведущих поэтов эпохи, мещане в интеллектуальной и даже в политической элите.

Несмотря на последующий упадок государства и нации, лишь вторая половина XIX века принесла с собой начало «современного» антисемитизма («современного» — то есть

выходящего за рамки и антипатии к чужому вероисповеданию) и шляхетского ощущения ненарушимости сословных барьеров. Это было уже тогда, когда в период борьбы за независимость сформировалась традиция, связанная с именем офицера Восстания и Легионов 62 Берко Йоселевича, павшего под Коцком в 1809 году (меньше помнят о солдатах его полка, отдавших жизни в 1794-м при обороне варшавской Праги), и его ровесника и земляка из Литвы Янкеля из «Пана Тадеуша»; традиция раввинов Мейсельса и Цилкова 63, введших польский язык в синагогах, солидарных с польским духовенством в борьбе против русских оккупантов; традиции манифестации на Краковском предместье в 1861 году, когда после залпа, от которого пал монах, несший во главе шествия крест, молодой ученик раввинской школы Ланды поднял этот крест («крест поляков», — читаем мы в тогдашних сообщениях), чтобы пасть от следующего залпа; традиция евреев — офицеров и солдат восстания 1863 года. Традиции эти всегда были тормозом для польского антисемитизма, но, увы, несовершенным, несмотря на то что они были поддержаны традицией польских патриотов еврейского происхождения, боровшихся за польскую культуру и науку, за польское просвещение во времена разделов Польши, а позже участием евреев в вооруженном выступлении Легионов 64. Болеслав Прус гениально почувствовал этот процесс, когда на пороге новой эпохи, вызванной индустриализацией в Царстве Польском, дороги тех, кто был вместе в 1863 году, расходятся, когда евреев отгалкивают от польскости; для доктора Шумана 65, выросшего в польскую культуру, — это трагедия; для Шлангбаума, не ассимилированного в такой степени, это предпосылка, чтобы чувствовать себя чужим. А мы помним, что они оба — как Вокульский! — повстанцы 1863 года.

Антисемитские настроения, все более охватывающие польское мещанство и разжигаемые провокациями охранки и в других частях империи царей и в Царстве Польском (сейчас уже более или менее известно, кто организовал волну погромов после 1905 года и откуда пошли в мир «Протоколы Сионских мудрецов»), вошли в идеологию и практику эндеков, постепенно заостряясь и все более дегуманизируясь: от лозунгов экономического бойкота к высказыванию сомнений, может ли иметь гражданские права еврейское меньшинство, и наконец к кровавым погромам в местечках и в высших учебных заведениях — иначе говоря, от Национальной лиги 66 через Национально-демократическое движение и Лагерь Великой Польши — до ОНР и младоэндецких групп. В прессе ОНР стали слышны даже голоса, предлагающие уничтожение евреев в Польше.

К сожалению, сопротивление польского общества было слишком слабым. Главная, самая авторитетная партия польских левых, ППС, сильная в рабочей среде, была слаба в учебных заведениях, откуда главным образом и набирались боевые группы ОНР. Левая и либеральная интеллигенция отваживалась высказывать солидарность с жертвами боевиков, но это были преимущественно акты индивидуальной отваги (интересно, что случались они и среди старой эндецкой профессуры). Власть, все более эволюционировавшая после смерти Пилсудского к фашиствующим правым, не очень уж энергично препятствовала скандалам, чинимым частично группами, находящимися в оппозиции против санации, частично, однако, ее союзниками (ОНР «Фаланга») 67. Католическая церковь смотрела на это равнодушно (за исключением столь вопиющих случаев, как избиение в костеле ксендза Пудера, новобращенного), и даже часть католической прессы (например, «Малы дзенник») поддерживала антисемитизм.

И тут наступила война и оккупация, вместе с ужасным гитлеровским геноцидом евреев. Оценка экзамена, который держали в этой ситуации поляки, не может быть, к сожалению, простой и однозначной.

На Западе, главным образом, среди евреев, пораженных трагедией истребления миллионов, появились безответственные и почти ничего не имеющие общего с действительностью обвинения польского народа в соучастии. Появились даже оскорбительные определения, как «нация шамальцовников» («шмальцовниками», от немецкого «шмальц» — «взятка», называли в годы оккупации тех, кто брал выкуп с

евреев за недонесение на них в гестапо,— прим. перев.). Антиполонизм должен считаться не менее позорным, чем антисемитизм. Фраза «все поляки — антисемиты» или «все поляки — пьянчуги» равносильна фразе «все евреи — мошенники».

«Шмальцовничество», то есть шантаж скрывающихся евреев и сотрудничество с гестапо в их истреблении, в чем упрекают поляков Запад и многие евреи,— явление маргинальное. Каждое общество имеет своих преступных маргиналов. Для евреев это были маргиналы столь грозные, что многим они заслонили собой всю остальную Польшу. Трудно упрекнуть в деформации зрения людей, которые несколько лет были объектом охоты. Нужно, однако, помнить, что гестапо, пользуясь предателями, не только вылавливало скрывающихся евреев, но и расконспирировало целые отряды подпольной армии (ср. провал диверсионного отряда Главного командования Армии Крайовой «Оса — Коса») и деятелей даже такого ранга, как главный комендант АК «Грот»-Ровецкий. Так что в принципе речь шла не об антисемитизме, а об омерзительной деятельности, направленной против всех, кого выслеживало гестапо.

В полемическом запале против несправедливых мнений об отношении польского общества к евреям пропаганда ПНР обобщенно утверждала, что такова позиция всех евреев на свете, но это ложь с антисемитской тенденцией, ложь, рассчитанная на плохую информированность. Список поляков, награжденных израильской медалью «Праведный среди Народов», длинен и наверняка не закончен. Он свидетельствует, что евреи в Израиле оценивают заслуги поляков в деле спасения евреев в Польше во время второй мировой войны. Более того, присуждая недавно эту медаль бывшему шефу руководства Подпольной Борьбы, институт Яд Вашем, который решает вопрос о присуждении награды, в качестве обоснования официально указал на заслуги польского подпольного государства в этом деле. Еврейские ученые, такие как Филип Фридман 69, внесли существенный вклад в выяснение правды об участии поляков в спасении евреев. Антиполонизм среди части евреев на Западе нельзя приписывать всей общности — как нельзя целому польскому народу приписывать антисемитизм.

Нужно, однако, с болью, но отважно сказать, что правда в этом вопросе не кажется столь простой и ясной, как это часто представляют. Не в преследовании и выслеживании скрывающихся евреев виновны поляки главным образом (хотя были среди них и такие), а в равнодушии. Это правда, что нужен был буквально героизм, чтобы спасти евреев. Я знаю людей, которых немцы схватили с оружием в руках и которые, однако, выжили в концлагерях,— но не знаю ни одного человека, укрывавшего еврея, который был бы пойман на этом и остался жив, и я не слышал о таком. Больше того: солдат АК знал, что если его арестуют, его ждут пытки, может быть, арестуют его жену, наверняка его вскоре расстреляют; но он мог рассчитывать, что маленькие дети уцелеют. Кто укрывал еврея, не мог рассчитывать и на это. Французы и голландцы не платили такой цены — и, несмотря на это, их успехи в спасении евреев не чрезмерно велики, а вина французов при выдаче евреев даже, можно сказать, значительна. Усилия польского общества в деле спасения евреев были велики, достойны уважения, щедро оплачены кровью — и небезуспешны. Речь не только об отдельных лицах и семьях, спасавших своих друзей,— действовали такие организации, как Совет помощи евреям, пользовавшийся поддержкой и помощью польского подпольного государства. Позиция польских властей в этом деле была ясной. Я считаю, однако, что значительная часть общества была равнодушна к истреблению евреев и что вину за это несет, в частности, и предвоенный антисемитизм. Да что там, конспиративная пресса крайних правых оставалась антисемитской даже во время войны! Более того, разве мы не слышали во время оккупации фразу: «После войны Гитлеру будет поставлен памятник!»? Если бы перед войной не отравляли польский народ антисемитизмом, наверняка меньше было бы равнодушных. Не было бы, может быть, и тех подонков, которые в местечках Мазовша занимались грабежами и разбоем, когда из гетто вывозили людей, их сограждан, об этом писал открыто — протестуя и грозя репрессиями — «Информационный бюллетень», официальный орган АК.

История антисемитизма в Польше на этом не кончается. Сразу же после войны всю страну потрясло сообщение о келецком погроме. Многие указывают на то, что это была провокация НКВД и службы безопасности. Нужно было мнению Запада представить Польшу как страну гитлеризованную, в которой только коммунисты могут установить порядок. Но стопроцентных доказательств мы не имеем, и если бы даже они нашлись — остается фактом, что такого рода провокации удаваться могут только тогда, когда падают на подготовленную почву.

Сталинские годы дали стимул антисемитизму. Случилось то, что можно было предвидеть: перед войной, как это обычно бывает с бестерриториальными меньшинствами, подвергающимися разным дискриминациям, крайние интернационалистические левые были популярны среди еврейской молодежи и интеллигенции — и в аппарате новой власти, а особенно в аппарате подавления (назовем вещи своими именами: в аппарате безопасности) оказалось немало евреев или людей еврейского происхождения. Кто знает, не способствовал ли такому явлению и макиавеллизм, идущий из Центра в Москве; меньшинства хорошо подходят для такой роли благодаря их отчужденности (ср. кровавую роль поляков, евреев, латышей в ЧК), а в случае чего хорошо подходят и для роли козла отпущения.

Это явление — участие значительной части уцелевших польских евреев, а также поляков еврейского происхождения в службе безопасности, а впрочем, и во всем аппарате коммунистической власти — наложилось на память 1939 года, когда значительная часть еврейского населения восточных окраин Польши с демонстративной — недолгой — радостью приветствовала крушение Республики и советскую оккупацию. Нельзя, однако, помнить только об этом и забывать, например, о героических актах лояльности вождей Бунда Альтера и Эрлиха 70 по отношению к Республике и об их протесте против советских властей. Они заплатили за это жизнью — и не вошли в пантеон польской памяти.

Октябрь 1956 года показал, однако, — несмотря на единичные эксцессы, — что антисемитские мотивации не так сильны, чтобы вызвать стихийные и опасные общественные действия, хотя они тлеют и донныне. Однако некоторое время спустя была организована попытка использовать этот мотив в политической борьбе. Группа, идущая к власти под руководством Мечислава Мочара, бросила вначале полуявно, в 1967-м явно, а в 1968-м с барабанами и фанфарами — лозунг антисемитизма (под прикрытием сбивающего с толку лозунга борьбы с сионизмом). Это был, впрочем, целый комплекс пропагандистских приемов, которые стыдно назвать идеологией, но употребленных в этой роли: «патриотизм», подыгрывающий национальной мегаломании («Мы, поляки, — храбрые вояки», — как в детской считалке), курс на некритическое отношение к национальным мифам, попытка присвоить их себе, апеллирование к средней ментальности ветеранов, милитаризация воображения, пропаганда репрессивных действий органов правопорядка, ксенофобия, направленная, в частности, против наших связей с Западом и против солидарности с чехами и словаками. Определенные успехи были достигнуты, но как раз не в антисемитской кампании. Можно было опасаться, что она больше всколыхнет общество, которое, однако, реагировало апатично и осторожно, а в довольно значительной части — недоброжелательно, даже враждебно. Сам факт, что это шло сверху, обрекал акцию на лишь посредственный успех. По сути дела оказалось, что только партийный актив и аппарат (плюс пристройки такого типа, как, например, «ПАКС» 71, с ознэровскими традициями) заинтересовались этим делом, на той же основе, на какой до войны польский мелкий буржуа ненавидел еврея-конкурента. Место мелкой буржуазии заняло темное партийное чиновничество, ненавидящее конкурента на бюрократскую должность — что в 1968 году было еще актуально. Особенно враждебно в своей массе приняла антисемитизм польская молодежь.

Вышвыривание из Польши в 1968 году тысяч евреев и поляков еврейского происхождения — одно из позорных событий в истории нашей страны. Советский

полицейский антисемитизм, шалевший в СССР тогда, когда в ПНР его еще ничто не предвещало (в частности, уничтожение значительной части еврейской интеллигенции в СССР, в том числе почти всех писателей, писавших на языке идиш), был теперь привит нам. Не случайно несколько месяцев спустя все главные «мартовские» партийные публицисты были награждены Золотыми знаками Общества польско-советской дружбы. Кроме неисчислимого морального ущерба, который причинили эти люди и их союзники из аппарата, нужно отметить и ущерб исчислимый: исход из Польши тех, чьи нервы не выдержали, — и среди них многих незаменимых специалистов.

У меня нет общей родины с мартовскими публицистами и аппаратчиками, организовавшими в 1968 году антисемитскую травлю. Мне стыдно за ветеранов из ЗБОВиДа 72, которые позволили, чтобы их прошлое использовали как фирменный знак этой мерзости. Были среди них, к сожалению, мои товарищи по оружию, разного ранга, из АК.

В паре с разными вариантами ксенофобии идет национальная мегаломания. «Мы, поляки, — храбрые вояки». Мы якобы несравненно лучше, умнее, талантливее и т. д., чем все народы мира, а особенно те народы, которые живут ближе к нам. Уже ксендз Демболенцкий 73 написал на эту тему массу вздора в начале XVII века и так это продолжается и развивается. В безнадежной международной ситуации, после поражения восстания 1830 года, расцвел польский мессианизм. Крупнейшие наши поэты и мыслители увлеклись этой идеей 74. Было в ней подлинное величие, окрыленное их гением. Думаю, что оно сыграло какую-то роль, помогая переживать то поражение, хотя еще вопрос, не послужило ли причиной последующих. Но наследство, которое до сего дня сохранилось в средней ментальности более или менее образованного поляка после этих романтических взлетов, — плачевно: это ощущение некоего особенного превосходства только на том основании, что ты поляк, превосходства, часто приправленного религиозной экзальтацией. Может быть, впрочем, экзальтация — слишком большое слово: это скорее карикатура экзальтации, вечный театр с национально-религиозным реквизитом.

Стоит и следует обратить внимание на переплетение национальных и религиозных мотивов в этой позиции (она имеет, впрочем, ту хорошую сторону, что патриотическая партийно-збовидовская трескотня слабо доходит до общества). Что означает «поляк-католик», об этом писал подробно, компетентно и точно Богдан Цивиньский в книге «Генеалогии непокорных» 76. Тем не менее я хотел бы обратить внимание на некоторые аспекты этой проблемы, потому что для ответа на вопрос «патриотизм — но какой?» 76 они имеют принципиальное значение.

Лозунг-утверждение о нераздельности польскости и католицизма может интерпретироваться по-разному. Обычно его провозглашают без уточнений — и это делается так часто, что можно усмотреть в этом метод. Поскольку лозунг этот в наиболее навязчивой интерпретации может значить, что тот, кто не католик, тот не есть полноценный, абсолютный поляк (если вообще поляк *sensu stricto*), то следовало бы каждый раз, пользуясь им, четко обозначать, идет ли речь о таком понимании. Недавно можно было прочесть о неразлучности польскости и католицизма в статье ксендза Сроки в Гданьском издании «Братняк». Автор, к которому я обратился лично, ответил, что был не так понят — он имел в виду, что католицизм оказал столь большое и многостороннее влияние на польскую культуру, так в нее врос, что культура эта не может быть оторвана от католицизма, не перестав быть собой. Тезис вполне разумный и никого не должен задевать, хотя мог бы быть предметом дискуссии. Можно было бы, например, спросить, зная, как сильно православие определило культуру России: а что, если бы вдруг религиозное возрождение там совершилось бы путем воссоединения со столицей Петра, — что же, русский народ перестал бы быть собой? Или — обобщая — католизация какого-либо нехристианского народа должна вызвать утрату им своего национального облика? Но оставим эту дискуссию в стороне — меня больше интересует первая интерпретация

польско-католического лозунга, довольно распространенная, как мне кажется, всюду, где мы встречаемся одновременно с ксенофобией и национальной мегаломанией, и питаемая неуточненными фразами, которые мы тут обсуждаем.

В этом толковании — ложь и дурная услуга национальной традиции и сегодняшнему состоянию национального самоощущения. Потому что от национальной традиции отчуждаются огромные и важные ее области, а от современной национальной жизни — те люди, которые католиками себя не чувствуют.

Что было некаатолического в польской истории и традиции? Оставляя в стороне эпизоды, которые мало повлияли на ход нашей истории — например, польских гуситов,— нужно начать с польской традиции реформации и протестантства. В XVI и XVII веках это традиции важные — традиции Миколая Рея 77 и польских ариан 78, сосуществование разных вероисповеданий во взаимной терпимости, закрепленное актом Варшавской конфедерации 79. Бывали и протестанты среди наших национальных героев (пример: генерал Совиньский 80), бывали и пасторы среди национальных польских деятелей. Верно, что католическая церковь сыграла большую роль в поддержании польскости, особенно в прусской части разделенной Польши и на далеких окраинах под властью России. Но в Цешинской Силезии и на Мазурах польскость поддерживали евангелики и их пасторы. Последним актом героической национальной позиции польских евангеликов было мученичество нескгибаемых пасторов и деятелей в период гитлеровской оккупации. Символична здесь фамилия Бурше 81, но она не единственная. Вклад польских протестантов в польскую культуру и в борьбу за национальное бытие так велик, что всякие попытки исключить их из нашей польской национальной общности должны рождать резкий протест.

Подобным образом нельзя согласиться с отрицанием живого и богатого участия в польской культуре со времен Просвещения, а особенно интенсивно со времен позитивизма, людей внеисповедного светского направления, часто атеистов, иногда агностиков, среди них большинства героев книги «Генеалогии непокорных» Богдана Цивиньского и их продолжателей. Трудно вообразить себе польскую культуру последнего столетия без Эдварда Абрамовского и супругов Давид, без Вацлава Налковского и Йгнация Радлиньского, без Стефана Жеромского и Анджея Струга, без Стефана Чарновского и Тадеуша Котарбиньского, без Эдварда Липиньского и Марии и Станислава Оссовских, без Антония Слонимского и Марии Домбровской, без Лешека Колаковского. А это лишь имена-сигналы, представляющие часто целые школы и направления польской мысли, сотни имен поляков, внесших огромный и неуничтожимый вклад в польскую культуру.

Один из вариантов ксенофобии — это культ «своего», «нашенского», противопоставленный «модам», идущим извне (главным образом с Запада). Забавность этой позиции заключается в том, что ее сторонники, как правило, провозглашают одновременно тезис о нашей связи с культурой Запада. Странная связь, которая должна заключаться в самоизоляции.

Как если бы сторонники этой позиции считали, что связи связями — но хорошенького понемножку. Позиция смешная и бессмысленная. Никакой культуре изоляция не принесла ничего доброго. Поляки в этом убедились на собственном примере. От братьев чехов мы взяли христианство, привитое затем у нас и теми же чехами, и немцами, и другими людьми с Запада. За наукой поляки ездили в Париж, Прагу, в итальянские и немецкие университеты, поначалу это был тонкий ручеек, постоянно расширявшийся с пользой для нашей культуры. Западные менторы, немцы и французы, учили нас воздвигать романские, а позже готические храмы, полные скульптур и картин, произведений цеховых художников немцев. Привились в Польше и обычаи западноевропейского рыцарства. Приглашенные с Запада ордена насаждали цивилизацию и культуру. В конце XV века мы начали черпать полными горстями из Италии, переживавшей Ренессанс, а затем из всей ренессансной Западной Европы, приглашая оттуда художников, писателей и ученых. Вся польская элита училась в

западноевропейских университетах, главным образом в Италии и в Германии. Из Германии пришла Реформация, которая обогатила польскую умственную жизнь. С близкого турецко-татарского Востока польская шляхта взяла костюмы, интерьеры, оружие (и, к сожалению, варварский обычай сажать на кол). В польской литературе с XVI века невооруженным глазом видны стимулы, идущие из Италии, Германии, Франции, Испании. Лишь XVIII век принес с собой ослабление этих связей и ослабление импорта культуры, с трагическим для Польши результатом. К счастью, уже с середины XVIII века связи эти снова усилились, польские художники снова ездят учиться в Италию, просвещенная часть аристократии обращается к Западу не только за фраком и париком, но и за мыслью Просвещения, которая расцвела у нас Эдукационной комиссией 82 и реформами Великого Сейма 83. И с тех пор мы черпаем дальше полной горстью: с Запада приходит романтизм и позитивизм, символизм и импрессионизм, экспрессионизм и футуризм.

Это вещи известные и очевидные, но все время приходится о них напоминать. Польская культура расцветает всегда в симбиозе с этими стимулами, а не в оппозиции к ним. Редко когда мы черпали так обильно, как в XVI веке,— и с таким великолепным успехом для национальной культуры. Мицкевич весь проникнут западным романтизмом, — и в то же время оригинальный, творческий, необыкновенный. И так далее. Прерывание таких связей может загнать нас лишь в неосарматизм, подобный сарматизму саксонской эпохи 84.

Больно бывает, что мы значительно больше взяли, нежели дали. Правда, в общей европейской культуре учитывается не только экспорт, но и сам факт создания оригинальных ценностей. Тем не менее мы хотели бы участвовать в европейском синтезе не только самим фактом наличия у нас богатой культуры. За немногими исключениями, наши влияния — лишь региональные. Многим обязаны нам украинцы, белорусы, литовцы, мало — французы, англичане, немцы, итальянцы. Насколько же в лучшей ситуации находятся русские — с Достоевским и Толстым, с древнерусской иконописью... Думаю, что, не впадая в национальную мегаломанию, можно считать, что Европа много теряет за счет фактического незнания Мицкевича, Словацкого, Норвида. Зато она сравнительно неплохо знает Гомбровича и Виткация. Это свидетельствует о том, что оригинальные художественные ценности, имеющие шанс выйти за границы нашей национальной культуры, по-прежнему возникают на распутьях, ведущих из мира к нам — и обратно в мир.

Выраженные здесь мысли — не открытия, а многие затронутые здесь проблемы, несомненно, требовали бы более углубленного рассмотрения. Я, однако, представляю себе, что для довольно многочисленной группы читателей это будут мысли, по меньшей мере, спорные, а отчасти и неприемлемые. Именно потому и родилась эта статья, с мыслью о том, как широко распространяется в Польше ксенофобия и национальная мегаломания, хоть я не считаю, что это всегда равнозначно острому шовинизму. В некоторых случаях различия и границы между позициями стерты. Отчасти по вине истории, не благоприятствующей расцвету христианских принципов в отношениях между народами. Отчасти за счет навыков воспитания. Так что и автор этих заметок, хотя и считает верным то, что пишет, отнюдь не может утверждать, будто он усвоил полностью, во всех пунктах ту позицию, которую провозглашает, так, чтобы она руководила его эмоциональными реакциями безошибочно. Тем необходимее пропагандирование такой позиции. Я убежден, что одна из важнейших проблем нашей современности и будущего — это избавление от национальной мегаломании и ксенофобии и уж по меньшей мере их приглушение до состояния, не опасного для дальнейших судеб польского народа. Если этого не произойдет — тогда любой агент, переодевшись в уланский мундир и повесивши на грудь металлическую пластинку с гербом, будто польский рыцарь, любой такой поведет нацию куда захочет, подыгрывая «национальной гордости» и манипулируя фобиями; мы утратим все шансы, даже если они представятся, взаимодействия с другими

народами, так же, как мы, угнетаемыми советизмом,— а ведь нам нельзя ждать счастливого стечения обстоятельств, мы должны начать работу по созданию солидарности угнетенных; в результате мы закроем себе дорогу к Западной Европе, в которой видим нашу культурную колыбель,— закроем навсегда; не будем обманывать себя, будто мы еще в этой Европе находимся,— может быть, лишь чуть-чуть: воспоминаниями, мечтами, желаниями. С году на год мы погружаемся все глубже в советизм, разлагающий нашу систему ценностей, общественные связи, наше собственное видение наших национальных традиций. Иногда кажется, что мы сами к этому рвались, во всяком случае, так это выглядело в 1968 году. Будем, однако, надеяться, что народ наш окажется достаточно умен и не поддастся больше подобным манипуляциям.

Примечания

1 Липский начинает статью с перечисления язв Польши 1918—1939 годов, того периода, который в момент написания статьи (1981) особенно идеализировался и противопоставлялся Польше послевоенной. В первую очередь он называет ОНР — Обуз народо-радикальны, то есть Национально-радикальный лагерь, крайне правую политическую группировку, созданную в 1934 году, тогда же распущенную властями и продолжавшую деятельность нелегально. В отличие от старых, традиционных национал-демократов, ОНР опирался на молодежь (студенческую и мелкобуржуазную). Его лозунги: классовая солидарность поляков, антисемитизм, национализация иностранного и еврейского капитала. Распался на группы ОНР АБЦ и ОНР Фаланга, эта последняя организовала отряды боевиков, нападавшие на еврейские лавки, на студентов-евреев, на рабочие митинги и демократические организации.

2 Во Львове — в ноябре 1918-го. В Пштыке — в марте 1936-го. В Кельце — в 1918-м и, особенно знаменитый, 4 июля 1946-го, ставший толчком к эмиграции уцелевших во время войны евреев из Польши на Запад.

3 Особые скамьи для евреев.

4 В 1930 году был распущен сейм, многие депутаты оппозиции были арестованы и заключены в Брестскую крепость. В конце 1931-го состоялся в Варшаве их процесс, вызвавший возмущение в обществе. Пятеро приговорены к трем годам заключения, пятеро — к меньшим срокам.

5 Лагерь для политзаключенных, созданный в Польше в 1934-м: «для лиц, угрожающих безопасности и общественному порядку».

6 Ятвяги занимали обширные земли на стыке нынешних Беларуси, Польши, Литвы и Калининградской области. Кроме польских князей систематическим истреблением ятвягов занимались князья киевские, а позже галицко-волынские, иногда Польша и Русь действовали вместе, как в походе 1251 года, о котором рассказывает С. М. Соловьев (именующий ятвягов не иначе как «дикарями» и «варварами»). Польские историки ятвягов не жалуют, честь польской интеллигенции спас поэт Ян Хуца, посвятивший памяти ятвягов прекрасные стихи (в книге 1973 года).

7 При осаде Великих Лук гетманом Яном Замойским в 1580-м поляки подожгли крепость, осажденные начали переговоры о сдаче, но венгры, входившие в польское войско, как рассказывает С. М. Соловьев, «боясь лишиться добычи, самовольно ворвались в город и начали резать всех, кто ни попадался. Поляки последовали их примеру. Замойскому удалось спасти только двух воевод».

8 Чарнецкий руководил двумя походами против восставшей Украины: в 1653-м и в 1654-м.

9 Во второй половине XVI века, когда в Европе были религиозные войны, в Париже — Варфоломеевская ночь, в Польше — веротерпимость. Но кончилась эта веротерпимость XVI—XVII вв. изгнанием ариан (1658), запрещением католикам, под страхом смерти, отказываться от католичества (1668) и постановлением сейма, что дворянское звание могут получать лишь католики (1673).

10 Часть польских легионов, организованных в 1797 году, вошла в состав наполеоновской армии и воевала в Испании, поляки участвовали в битве при Сомосьерре в 1808 году, в осаде и штурме Сарагосы, жестоко расправляясь с защитниками и жителями города.

11—12 речь идет о романе Жеромского «Пепел» (1904), о рассказе «Расклинает нас воронье» (1894) и о романе «Канун весны» (1925) — последнем романе писателя.

13 Фильм А. Вайды «Пепел» (1965), по Жеромскому, вызвал дискуссию. Некоторые говорили, что Вайда изображает историю поляков в черном свете. Сам Вайда считал, что «беспощадность эпизодов штурма Сарагосы» (особенно смущавшая и шокировавшая) в его фильме, по сравнению с Жеромским, «ослаблена».

14 См. прим. 11—12.

15 Генерал Мочар (1964—1968 — министр внутренних дел) в борьбе за власть опирался на свою биографию партизана, на положение руководителя ЗБОВИД — Союза борцов за свободу и демократию — организации ветеранов, на сильные позиции в средствах массовой информации. Разыгрывал «патриотическую» карту.

16 Крылья польских крылатых гусар XVI—XVIII веков прикреплялись к седлу или к наплечнику панциря.

17 Поэма Чеслава Милоша «Нравственный трактат» (1948) анализировала нравственную и психологическую ситуацию польской интеллигенции в первые послевоенные годы; в цитируемом фрагменте Милош иронизирует над теми, кто углубляется в «старопольские» эмоции.

18 Роман К. Брандыса «Почтовые вариации» (1972) в форме писем отцов к сыновьям и сыновей к отцам представляет судьбы нескольких поколений одной семьи на фоне польской истории 1770—1970 годов.

19 Парижский журнал «Культура» дал в этом месте сноску «для читателей, не знающих Варшавы: на улице Раковецкой находится Министерство внутренних дел».

20 После мартовских студенческих выступлений 1968 года в Варшаве развернулась «антисионистская» кампания.

21-22 Антоний Слонимский (1895—1976) и Павел Ясеница (1909—1970) — писатели. Оба пользовались авторитетом у интеллигенции и молодежи так же, как Мария (1896—1974) и Станислав (1897—1963) Оссовские, выдающиеся ученые, историки культуры, социологи.

23 Липский называет двух наиболее ретивых официозных журналистов и одного такого же театрального деятеля.

24 «Хаката» (по первым буквам фамилий ее основателей) — немецкая националистическая организация, основанная в 1894 г. с целью германизации земель и населения прусской части Польши. Слово «хаката» стало нарицательным, например, в 1920-х годах депутат Сохачкий говорил в сейме о «хакате» поляков в отношении национальных меньшинств Польши.

25 В сентябре 1965 года, в связи с приближавшимся 1000-летием крещения Польши, польские епископы направили послание к своим немецким братьям во Христе. Послание говорит об исторической памяти поляков (от немецких крестоносцев до второй мировой войны) и кончается словами: «Но несмотря на все это... протягиваем Вам наши руки, прощаем и о прощении просим». Послание вызвало резкую кампанию в официальной польской прессе, правительство обвинило кардинала Вышиньского, примаса Польши, в нелояльности, но и в обществе реакция была разная. (Ответное послание немецких епископов, в декабре, заканчивалось словами: «Бог мира да сделает так... чтобы упырь ненависти никогда уже не разъединил наши руки».) Слова «прощаем и о прощении просим» нынешний примас Польши Юзеф Глемп повторил в одном из недавних высказываний по поводу отношений поляков с украинцами и литовцами.

26 В 1945—1948 годах из Польши в советскую и британскую зоны оккупации Германии было выселено более 3 миллионов немцев. На эти земли — Западные земли и Поморье — переселяли поляков с бывших восточных окраин.

27 Речь Посполитая — калька латинских слов «Res Publica»; в XVI—XVI веках Польша была республикой с выборным королем. 2-я Речь Посполитая (или 2-я Республика) — Польша 1918—1939 годов. 3-ей иногда называют нынешнюю, начиная с вступления Валенсы в должность президента.

28 Ополе, Опольская Силезия — часть Верхней Силезии.

29 Вармия (от названия племени вармов, когда-то здесь живших) — историческая область на побережье Балтийского моря. В XIII веке завоевана крестоносцами, в 1466—1772 входила в состав Польши, при первом разделе отошла к Пруссии. Мазуры — регион, включающий Мазурское приозерье, принадлежал крестоносцам, затем Пруссии, но заселили его мазовецкие крестьяне: мазурские деятели с 1922 года входили в Союз поляков в Германии.

30 Торуньским миром 1466 года закончилась тринадцатилетняя война Польши с Орденом крестоносцев.

31 Последний великий магистр Ордена перешел в лютеранство и стал первым светским князем Пруссии (с 1525).

32 Остатки своих владений здесь шведы потеряли в 1815 году.

33 Некоторые поляки помнили об этом. Ружевич в книге 1955 года посвятил стихотворение двум мальчикам немцам и их надгробию в бывшем немецком соборе XV века, а вроцлавский журнал «Одра» часто вспоминал немцев, писателей и художников, работавших в этом городе.

35 Пясты, вернее было бы Пястовичи, — древняя польская династия. В XII веке разделилась на несколько линий князей удельных княжеств. Линия силезских Пястов угасла в 1675 году, с XIV века они были связаны с Чешским королевством и признали себя его данниками. 35 Генрих Пробус (или Правый) — князь вроцлавский (1270—1290) и краковский (1288—1290). При его дворе (как, впрочем, и при других польских княжеских дворах) говорили по-немецки, распространялась немецкая рыцарская культура, князь поощрял города и торговлю, в том числе немцев-горожан и немцев-торговцев. Все это встретило сопротивление части населения, во главе с епископом Томашем, который удалился из Вроцлава, проклял князя и город, князь вынудил его покориться и снять проклятие.

36—37 Антоний Голубев — автор исторической прозы, публицист, член редакции еженедельника «Тыгодник повсшехны», самого авторитетного католического издания в Польше (1945—1953 и с 1956 до сего дня).

38 В битве при Легнице в 1241 году польские и немецкие рыцари (крестоносцы) противостояли Батью, в 1410-м при Грюнвальде поляки и воины Великого княжества Литовского противостояли немцам (крестоносцам).

39 Группа студенческого сопротивления в Мюнхенском университете (1942—1943).

40 Польский историк (1862—1949).

41 Матвей Безкишкин — русский офицер, перешедший на сторону повстанцев и ставший повстанческим командиром. Попал в плен и был повешен царскими карателями. С. Жеромский в юности написал поэму «Безкишкин».

42 Один из членов-основателей, вместе с Липским, Комитета защиты рабочих. В книге об этом комитете (КОР) Липский цитирует слова из проповеди ксендза: «Помолимся за свободу братьев литовцев, братьев белорусов, братьев украинцев». Во время Варшавского восстания Ян Зея был капелланом того полка повстанцев, в котором сражался Липский.

43 Чеслав Милош — из полонизованной литовской шляхты, Костюшко и Мицкевич — из полонизованной белорусской; полонизовались и верхи мещанства:

польский поэт XVII века Юзеф Бартоломей Зиморович, бургомистр Львова,— из украинцев.

44 «В 1768 г. Максим Железняк и Гонта с помощью уманских казаков взяли город, разграбили его и перерезали много поляков и евреев» (Энци. Брокгауза и Ефрона, на слово «Умань»),

45 После польско-литовской и польско-советской войн 1919—1920 годов Вильно осталось за Литвой, но в октябре 1920-го польский генерал Л. Желиговский занял силой Вильно и Виленщину, провозгласив так называемую Среднюю Литву, в 1922-м, по решению виленского сейма, Вильно и Виленщина вошли в состав Польши.

46 В марте 1938-го, после инцидента на границе с Литвой, когда был убит польский пограничник. «Вождь» — маршал Рыдз-Смиглый.

47 «Приключения Козленка Кретиненка» (1933—1934) — сказка в стихах Корнеля Макушиньского.

48 31 октября 1918 года завязалась борьба поляков и украинцев за Львов. Украинские отряды заняли территорию восточнее р. Сан — была провозглашена Западноукраинская Народная республика, Западная Украина, перед лицом превосходящих сил поляков, обратилась за помощью к киевскому правительству Петлюры, но вскоре Петлюра в безнадежной ситуации «уступил» Польше право на Западную Украину за помощь против Советской России.

49 Генрих Юзевский был назначен волинским воеводой в 1928 году.

50 Во время боев в Бещадах в марте 1947-го погиб заместитель министра обороны ПНР генерал К. Сверчевский.

51 Лемки — этнографическая группа, издавна живущая в Карпатах. Отождествляют себя с украинцами. Православные. В 1945 году были выселены в северные и западные воеводства Польши. В 1981 году, одновременно с брошюрой Липского, появилась статья М. Козловского «Лемки»: «...гибнет очередная группа наших земляков... через несколько десятков лет след по лемках загинет так же, как загинул по пруссах и ятвягах...» Прекрасные стихи о лемках писал в 1960-х годах польский поэт Ежи Харасымович.

52 Город Цешин на р. Ольза и его окрестности были предметом спора поляков и чехов.

53 1 октября 1938-го немцы вошли в Судеты, 2 октября - поляки вошли в Заользье.

54 В сентябре 1968-го Ежи Анджеевский опубликовал открытое письмо к председателю Союза писателей Чехословакии, З. Мыцельский — открытое письмо к чешским и словацким музыкантам.

55 Студенты за распространение листовок были арестованы.

56 Так трактовали стих 25 главы 27 Евангелия от Матфея: «И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших».

57 «Эндеция» — разговорное польское название национал-демократов, Национал-демократической партии (основана в 1897-м), в 1934-м из этого движения выделились крайне правые — ОНР, Национально-радикальный лагерь.

58 2-й Ватиканский Собор, проходивший в 1962—1967 годах, принял в октябре 1965-го как один из итоговых документов декларацию об отношении римско-католической церкви к нехристианским религиям, пункт 4 декларации целиком посвящен отношению к иудаизму и к евреям. Сказано было, в частности: «Хотя еврейские власти и их сторонники домогались смерти Христа, однако то, что произошло во время Его мук, не может быть вменено в вину ни всем без различия евреям, живущим тогда, ни евреям теперешним. Хотя Церковь есть новый Народ Божий, не следует представлять евреев как отвергнутых или проклятых Богом, якобы на основании Священного Писания. Пусть же все стараются в науке и в проповеди Божьего слова не учить ничему, что не отвечало бы истине Евангелия и духу Христову». В декларации провозглашалось также: «Поскольку духовное наследие, общее для христиан и евреев, столь велико, настоящий святой Собор

желает оживить взаимное понимание и уважение, которое является плодом прежде всего библейских и теологических исследований и братских диалогов».

59 Первое издание «Польши Ягеллонов» — 1963 год. Авраам Эзофович, киевский еврей, купец, крестился в 1488-м, в 1507-м получил дворянство, брат его в 1514-м был назначен «старшим» над евреями в Литве, получил дворянство и рыцарское звание в 1525-м.

60 Зыгмунт Старый — польский король XVI в.

61 «Золотым веком» (иногда «зыгмунтовским веком») называют польские историки культуры XVI и начало XVII века, время правления Зыгмунта I Старого, Зыгмунта Августа, Стефана Батория и Зыгмунта III Вазы (умер в 1632-м), то есть польский Ренессанс и начало польского барокко. Это и эпоха веротерпимости в Польше.

62 Восстание Костюшко (1794), легионы Домбровского (с 1797).

63 Раввин Исаак Цилков перевел Библию на польский язык, к нему и к его переводу привлек недавно внимание Чеслав Милош.

64 Здесь — легионы, созданные Ю. Пилсудским (1914—1917).

65 Вокульский, Шлангбаум и доктор Шуман — персонажи романа «Кукла».

66 Национальная лига, основанная в 1893-м, дала начало Национально-демократической партии (или движению, с 1897), выделившийся из нее крайне правый Лагерь Великой Польши (Обуз Велькей Польски, ОВП с 1926-го) был распущен властями в 1933-м как угрожающий общественной безопасности, но нашел свое продолжение в ОНР с 1934-го, см. прим. 1.

67 «Санацией» в Польше 1926—1939 годов стали называть правящие круги Пилсудского и его преемников, провозглашавших лозунг «санации», «нравственного оздоровления» общественной жизни в стране. О «Фаланге» см. прим. 1.

68 «Малы дзенник» — дешевая газета, с тиражом до 120—140 тыс. экз., издававшаяся францисканцами монастыря в Непокалянове (1935—1939).

69 Филипп Фридман (1901—1960) — известный историк.

70 Виктор Альтер (1890—1941) и Генрих Эрлих (1882—1941) были арестованы советскими властями и казнены в Куйбышеве в декабре 1941-го.

71 «ПАКС» (от латинского «рах» — «мир») — нецерковная католическая организация, созданная в Польше сразу же после войны советскими «кураторами» для манипулирования настроениями и эмоциями польских католиков, получила издательство, газеты, клубы, представительство в сейме. Во главе «Пакса» был поставлен Болеслав Пясецкий, до войны — один из вождей «Фаланги».

72 ЗБОВиД — Союз борцов за свободу и демократию — ветеранская организация. В 1964—1972 годах руководителем ее был генерал Мочар.

73 Ксендз Войцех Демболенцкий (1575 — ок. 1646), доктор теологии, автор нескольких книг. В одной из них утверждает, что «стародавнейшее в Европе королевство польское, или же скифское, одно только на свете имеет правдивых наследников Адама, Сета и Яфета, которые Богом в раю владычествовать миром предустановлены, и поэтому поляки сарматами зовутся. А сего ради и показывается (в книге — В. Б.), что славянский язык первоначальный есть на свете...».

74 Польский мессианизм считал польский народ «мессией народов», призванным «спасти» человечество. Нашел отражение в творчестве Мицкевича и Словацкого, Красиньского, нескольких философов. Интереснейшие исследования по сопоставлению польского и русского мессианизмов XIX века публиковал последние лет двадцать пять польский историк Анджей Валицкий.

75 Один из разделов этой книги (1971) называется «Литературный портрет поляка-католика». Но главная тема книги — поколение нонконформистов, «непокорных», вступавшее в польскую жизнь в конце XIX века. В монографии о Комитете защиты рабочих Липский пишет, что именно книга Б. Цивиньского дала «историческо-идейную формулу единства» «католической и светской части оппозиции» в Польше 1970-х годов.

76 Формула «Польша — но какая?» восходит к знаменитой эпиграмме Словацкого: «Шли с криком «Польша! Польша!..»

77 Миколай Рей (1505—1569) — один из крупнейших, наряду с Яном Кохановским, писателей польского Ренессанса, в 1541 году принял лютеранство, позже — кальвинизм.

78 Ариане, или «польские братья», — наиболее радикальные представители польской Реформации, выделившиеся в 1560-х годах; отвергли догмат Троицы (считая Отца источником божественности Сына, а Сына считая человеком, вознесенным после смерти до божественного величия), в религии выделяли ее нравственное содержание. В 1658 году были изгнаны из Польши. Оказали влияние на формирование религиозного рационализма и деизма в Западной Европе.

79 Варшавская конфедерация — решение сейма в Варшаве в 1573 году о вечном мире между разнoverцами, о равноправии не католиков с католиками. (Напомним, что в 1572-м в Париже — Варфоломеевская ночь.)

80 Герой восстания 1830—1831 годов; ему посвящено известное стихотворение Словацкого (есть русский перевод).

81 Юлиуш Бурше (1862—1942) — епископ, суперинтендант евангелическо-аугсбургской церкви в Польше, борец за польскость Силезии, Вармии и Мазур, в 1939-м арестован гестапо

82 Эдукационная комиссия (1773—1794) реформировала систему образования в Польше.

83 Великий (четырёхлетний) Сейм — 1788— 1792— принял конституцию 3 мая 1791 года (сейчас этот день — национальный праздник в Польше).

84 Саксонской эпохой поляки называют время правления королей из саксонской династии (1697—1763), время упадка польской культуры; сарматизм — идеология, сложившаяся в XVI—XVII веке: идеализация польской старины (согласно тогдашнему историческому мифу, поляки — потомки сарматов), неприязнь к иностранцам, к европеизму; сарматизм, особенно поздний, привел к отсталости Польши, но в то же время был источником некоторых самобытных и ценных явлений польской поэзии, искусства.